

УДК 821.161.1 821.161.3

СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ

И. И. Морозова

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь, inesmorozova@bk.ru*

В статье представлен анализ современной художественной литературы в качестве одного из средств манипулирования общественным сознанием. Анализируются как позитивные, так и негативные аспекты процессов манипулятивных практик, в результате которых происходит аберрация ценностей и установок личности. Актуализируется возрастание социальной ответственности автора в современном литературном процессе.

Ключевые слова: манипулирование; общественное сознание; литературный процесс; автор; аберрация; ценности.

CONTEMPORARY FICTION AND THE MANIPULATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

I. I. Morozova

*Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus, inesmorozova@bk.ru*

The article examines contemporary fiction as a means of manipulating public consciousness. Both the positive and negative aspects of manipulative practices, which result in the aberration of the values and attitudes of the modern individual, are analyzed. The increasing social responsibility of the author in the contemporary literary process is highlighted.

Keywords: manipulation; public consciousness; literary process; author; aberration; values.

Художественная литература различных эпох и народов практически всегда выступала в качестве одного из средств манипулирования общественным сознанием. И в том нет ничего предосудительного именно в том случае, когда это манипулирование носит исключительно позитивную интенциональность, обусловленную значимым содержательным потенциалом, облеченным в соответствующую этому потенциалу эстетическую форму.

Каждому времени, каждой эпохе свойственны свои закономерности и запросы социума. Художественная литература всегда оказывала

существенное влияние на общественное сознание, однако степень этого влияния всегда была разной, что, в свою очередь, определялось целым комплексом как субъективных, так и объективных факторов, о чем неоднократно уже указывалось в исследовательской практике.

Безусловно, современная художественная литература представлена неравноценными текстами. Это естественно и вполне закономерно, прошлые эпохи в мировой литературе также характеризуются подобной определенной степенью неравноценности художественного уровня. Однако, например, вызывает определенную озабоченность состояние современной литературной ситуации постмодернистской парадигмы, широко отражающей негативные доминанты художественного сознания: декларативную асоциальность, дискретность мышления, десакрализацию ценностей и норм, что, в свою очередь, актуализирует проблему восприятия литературы субъектом, необходимость корректировки этого восприятия для наиболее адекватного осмысления художественной реальности и формирования сознания реципиента. Данная ситуация представлена манипулированием с негативной интенциональностью, направленной на конструирование псевдосмыслов и ложных ценностных установок.

Смена социокультурных парадигм, стремительно ворвавшаяся во все сферы жизни, обнажила самую табуированную, предоставив на всеобщее усмотрение сексуальную свободу и разболтанность человека, стремление выйти за пределы нравственности, морали. Сексуальная раскрепощенность, парадоксальным образом, воспринимается (а то и навязывается) как признак истинной внутренней свободы человека, постулируется принцип сексуальной вседозволенности и приемлемости различных сексуальных извращений. В индивидуальном и обыденном сознаниях прочно укореняется мысль о том, что быть сексуально свободным, лояльным, сексуально озабоченным — это модно, современно, стильно. Наблюдается гипертрофированный интерес к телесности, человеческому телу, наготы, плоть доминирует над душой, о которой мало кто заботится из тех, кто сексуально одержим. В творчестве А. Глобуса широко представлен комплекс указанных тенденций, сыгравшем, по мнению некоторых критиков, революционную роль в развитии белорусского искусства, если иметь в виду отражение в его текстах («Дамавікамерон», «Літары», «POST SCRIPTUM» и др.) неприкрытой аморальности и непристойности, что вызывает у исследователей справедливое и вполне объяснимое чувство безразличия и морального осуждения.

В современной художественной литературе на протяжении ряда лет явно прослеживается стремление авторского сознания отразить девиантное поведение, аморальность, деструктивность в межличностных отношениях, нашедшее реализацию в романе российского автора

А. Семенова «Голые циники» [6], в котором отражена сомнительность претензии на любовь между двумя молодыми людьми, демонстрирующими духовную и моральную неразвитость, ограниченность. Находясь в плену примитивного физиологизма и легкой наркотической одурманенности, искусственно накручивая себя и придумывая несуществующие причины для взаимных обид, они почти закономерно приходят к абсурдному финалу никому не нужных смертей и суицида. Автор «Голых циников», в качестве рекламного хода на обложке книги (в качестве приема манипулятивных практик), стремится преподнести историю взаимоотношений героев как полную трагизма любовную драму с жуткой ревностью и бушующими страстями, каковых еще не знала «мировая» литература: «Что такое любовь? Спросить у Омара Хайяма? Что он знает о физиологии отношений?.. Что такое страсть? Спросить у Захер Мазоха? Да не знает он настоящей боли. Боль приходит с воспоминаниями. Поэтому спросите у героев книги — Ричарда и Варвары. Они скажут правду. А вы... заплачете» [6]. Какая самонадеянность! В тексте романа, конечно, существует несколько смысловых планов, в нем присутствует определенная система нравственных координат, но отношения двух лишены психологической усложненности и каузальности, нет динамики чувств, есть некая констатация упрощенного взаимодействия на физиологическом уровне, изрядно сдобренного сексуальными инвективами. И даже убийство соперника из чувства ревности не доказывает «кипучести» страстей.

Вечная борьба эроса и танатоса губительна для человека, тем более для поколения однонаправленных индивидов, определяемых современными психологами как генитальный тип. Это лица интеллектуально сниженные, для сознания которых характерно неразличение разницы между элементарными понятиями сексуальной культуры. Лексика героев романа А. Семенова перенасыщена сексуальными инвективами, нецензурщиной, грубоватым сленгом, свидетельствующими о деградирующем состоянии молодого поколения, художественно воплощенном в «генитальной» литературе.

Как считает известный специалист в области изучения психофизиологических и социально-психологических аспектов функционирования ненормативной лексики Л. А. Китаев-Смык, «в исторические, „переходные“ периоды у части общества возникает массовая дебилизация. При этом наименее защищенные социальные слои (молодежь и люди с недостаточным образованием) вынуждены использовать эротизацию своей вербальной активности как культурную (антикультурную) защиту. Их речь изобилует словесными протезами — сексуально-скабрёзными выражениями (как неосознанный протест против социального давления). И, наверняка, не случайно сексуальные образы, послы, считавшиеся еще

недавно непристойными (нецензурными) сейчас проникают на экраны телевизоров, на сцены театров, на страницы книг и газет одновременно с нарастающей модой на авангардистское искусство» [2, с. 126].

Безусловно, в реализации эпатажного поведения, деструктивной сексуальности, гипертрофированной ненормативности лексикона выражается своеобразный экзистенциальный, социальный и нравственный протест против существующей несправедливости окружающей действительности. Но этот протест носит разрушительный характер, в первую очередь, для самого носителя протестных интенций, зачастую, превращая его в заложника и раба одновременно собственных деструктивных поведенческих моделей, нарушая целостность человеческого бытия. И Э. Фромм бесконечно прав, указывая на тот факт, что «клинические данные со всей ясностью показывают, что мужчины и женщины, посвятившие свою жизнь неограниченному удовлетворению сексуальных желаний, не достигают счастья, а часто и страдают от тяжелых невротических конфликтов и симптомов. Полное удовлетворение всех инстинктивных потребностей не только не составляет фундамент счастья, но даже не гарантирует душевного здоровья» [7, с. 165].

Наиболее разнообразно деструктивные тенденции индивидуального сознания и поведения представлены в творчестве российского автора Вл. Сорокина, известного эпатажной скандальностью текстов, граничащей с психопатологией. Полагая, что творческая свобода писателя не знает границ и находится в плоскости чисто технических, а не нравственных или культурных координат, воодушевленный эстетикой безобразного в творчестве Маркиза де Сада, Вл. Сорокин представил на суд читателя информационный поток безнравственной словесной грязи, некрофильства, порнографии, каннибализма, садомазохизма, в буквальном смысле фекализма, что, в свою очередь, заставляет исследователей-литературоведов определить такое творчество «канализационной» литературой и дегенеративным искусством, свидетельствующим только о том, что «грубая чувственность восполняет вакуум эмоциональности, характерной для выхолощенной шизоидной позиции» [3, с. 79].

В подобных художественных текстах моделируется тип усредненного человека, нивелированного и интегрированного в общество с царящей атмосферой потребительства в самом широком смысле слова. За кажущейся эпатажностью, непохожестью, нестандартностью сексуального поведения скрывается тип обычного среднего человека с декларацией узкого принципа «быть как все», с поверхностным отношением к окружающему миру, с однообразием жизненных установок, поступков, лексики и стиля, усиливая ощущения отчужденности и «потерянности», являясь психотипами, у которых «сложные ценностные категории не входят в их

когнитивную структуру» (С. Г. Кара-Мурза). Э. Фромм проникательно констатирует наличие подобных тенденций, наблюдаемых на Западе в середине пятидесятих годов XX века: «Человеческие взаимоотношения сводятся в основном к взаимоотношениям отчужденных друг от друга автоматов, причем безопасность каждого из них основана на его близости к стаду и сходстве мыслей, чувств и поступков» [7, с. 158]. Реализуя на практике такие жизненные установки, человек теряет собственную индивидуальность, происходит растворение человека в массе, в сообществе людей, в которое он попадает, личностные качества ослабевают под давлением коллектива, о чем неоднократно утверждал Н. А. Бердяев, отстаивая принципы персонализма, происходит потеря собственной идентичности, что и находит отражение в указанных художественных произведениях, лишний раз подтверждая мысль о том, что: «Новые ценности входят в ценностную систему общества, не успевая ни адаптироваться к традиционным ценностям, ни пройти «культурную обработку». Это ведет к определенным изменениям в структуре личности, ее ценностно-смысловых ориентаций, что, в свою очередь, обуславливает формирование новой шкалы базовых ценностей общества» [5, с. 163].

В исследовательской практике неоднократно отмечается, что процесс художественной перцепции предполагает сотворчество адресата с художником, активизацию жизненного опыта воспринимающего. Восприятие текста требует от реципиента активной творческой позиции, способности к интерпретации, художественному диалогу. Необходимо понимать, что реципиенты с неустойчивой психикой, чрезмерной импульсивностью и склонностью к аффектации, могут попасть в информационную (текстологическую) ловушку, что приведет к смещению в их индивидуальном сознании истинных акцентов и социально-нравственных установок, мировоззренческому сдвигу, поскольку художественные тексты в большинстве случаев обладают многосмысловыми уровнями (скрытыми или явными), подчеркивая манипулятивную направленность. Это позволяет говорить о том, что «акт отчуждения духовной самостоятельности реципиент принимает за ее утверждение, а собственную зависимость и подчинение в этом акте он либо не замечает, либо воспринимает как форму добровольной солидарности с тем, с кем вступает в контакт» (Ю. А. Ермаков).

Манипуляция с позитивной интенциональностью достаточно широко представлена в мировой литературе, и не следует забывать, что белорусская литература является частью мировой художественной литературы со всеми вытекающими последствиями. Она содержит в себе очень многое из того, чем наполнен мировой литературный процесс. Современная белорусская литература представляет собой неоднородное явление, отражающее разнообразие стилей и направлений, тематики, проблематики и

жанровой специфики, актуализирующее широкий спектр изменений, происходящих в обществе, концептуальное осмысление существенных проблем бытия, эстетически переосмысливая их на различных уровнях. Современный литературный процесс представлен многообразием имен, чье творчество отражает как поиски нового героя, так и новых художественных форм.

За последние десятилетия в белорусской литературе появилось немало достойных произведений, отвечающих взыскательному читательскому вкусу. Они отражают тематическое и жанровое многообразие, нравственную беспощадность, граничащую с этическим максимализмом, глубину и широту поднимаемых экзистенциальных и метафизических проблем. Такие произведения, отражающие в себе смыслы для ума и сердца человека, читатель может найти в творчестве А. Андреева, А. Браво, О. Ждана, А. Златковской, А. Козлова, Н. Костюченко, А. Федоренко, Н. Чергинца, и это далеко не полный перечень имен, достойно представленных в современном литературном процессе, своим творчеством подтверждающие тот неоспоримый факт, что «общечеловеческие ценности не являются чистой идеализацией, их невозможно просто выдумать или навязать обществу, они создаются и осознаются людьми, чтобы их жизнь имела цель и приобрела смысл в повседневной жизни, и, таким образом, общечеловеческие ценности имеют экзистенциальную наполненность» (В. В. Котлярова).

Следует также добавить, что чрезмерная тенденциозность в прозе, навязчивая нравоучительность существенно снижает степень художественности. Читатель ждет от художественного текста не авторских поучений и банальных истин, облеченных в примитивную форму выражения, а некой эстетической неожиданности от восприятия, например, сюжетного, фабульного уровня, позволяющего ему самому вынести оценочное суждение происходящему в пространстве вымышленной реальности. Такая тенденциозность может быть эстетически оправдана, например, в психологической исповеди, которую использовала Н. Костюченко в романе-эссе «Время жатвы и время покаяния» [4], отражающим глубокую степень авторской проникновенности и искренности. Жанр психологической исповеди отражает наличие художественной реализации достаточного сложного взаимодействия субъекта и объекта повествования, одновременно носителем которых является автор произведения. Эта сложность определяется непосредственным соотношением контекста героя (объекта) и контекста автора (субъекта): «каждая конкретная ценность художественного целого осмысливается в двух ценностных контекстах: в контексте героя — познавательно-этическом, жизненном, — и в завершающем контексте автора — познавательно-этическом и формально-

эстетическом, причем эти два ценностных контекста взаимно проникают друг друга, но контекст автора стремится обнять и закрыть контекст героя <...> Эстетическая формирующая реакция есть реакция на реакцию, оценка оценки» [1, с. 3–4].

Нужно исходить из того, что художественное произведение является способом трансляции смыслов, а художественная коммуникация — средством обращения реципиента к миру автора и его героев, понимания культурного контекста художественного произведения, культурных доминант эпохи, своеобразия личности художника, его миропонимания, мироощущения, его индивидуальности. Поэтому необходимо уходить от примитивной и узкой интерпретации текстов, используя синтезированный подход в глубоком осмыслении художественной литературы, совершенствуя познавательные способности реципиента и его индивидуальное сознание, принимая во внимание аксиологическую, суггестивно-катарсическую, воспитательную функции литературы, ее способность воздействовать на самосознание личности.

Реализуя в художественной литературе манипулятивные практики, оказывающие существенное влияние на общественное сознание, каждый автор должен осознавать меру личной социальной ответственности за представленный интеллектуальный продукт, принимая во внимание непреходящее значение мысли М. Бахтина о том, что «личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг друга в единстве вины и ответственности... Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [1, с. 24–25].

Следует подчеркнуть главное — литература способствует более широкому, многостороннему взгляду личности на мир, на окружающую действительность, она позволяет преодолеть субъективную ограниченность восприятия мира, который сам является многогранным и достаточно противоречивым. Для адекватного понимания человеком этого противоречивого многообразия и выстраивания собственной поведенческой линии в границах нравственной экзистенциальной перспективы и существует художественная литература. Начитанность определяет качественный уровень стилистической концепции личности в самом широком смысле слова. Стилистическая концепция личности отражает ее культурный уровень, а культура, по мнению академика Д. С. Лихачева, «это нравственность прежде всего. И задача литературы <...> воспитать у человека нравственное, честное отношение к жизни». В современных реалиях не хватает этой честности в социуме, в межличностных отношениях, причем во многих странах мира, поэтому основное значение литературы на данном этапе развития общества сохраняет свою актуальность. Даже наблюдая

определенное снижение ее функций в современном мире, все же не стоит оставлять надежду на способность художественной литературы, представляющей собой субъективную творческую реализацию эстетического опыта, устранять существующую дисгармонию в мире ради сохранения нравственной составляющей его целостности.

Библиографические ссылки

1. *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М. : Искусство, 1986.
2. *Китаев-Смык Л. А.* Социально-психологические аспекты матерной речи // Вопросы психологии. 2007. №6. С. 120–128.
3. *Козлова М. М., Хохлов А. В.* Смещение традиционных гуманистических ценностей в творчестве Владимира Сорокина : деидеологизированные аллегории или расчеловечивание? // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе : сб. науч. ст. : в 2 ч. Гродно : ГрГУ, 2014. Ч.2. С. 73–80.
4. *Костюченко Н. Н.* Время жатвы и время покаяния: роман. Минск : Белорусский республиканский литературный фонд, 2016.
5. *Марук А. Н.* Социальная идентичность в современном обществе // Человек в мире социума : сб. науч. ст. Гродно : ГрГУ, 2014. С. 159–164.
6. *Семенов А.* Голые циники. М. : Астрель : АСТ, 2007.
7. *Фромм Э.* Искусство любить. СПб. : Азбука–классика, 2004.